

АМИРАН УРУШАДЗЕ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

СЕМЬ
ИСТОРИЙ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Амиран Урушадзе

Кавказская война. Семь историй

«НЛО»

2018

Урушадзе А. Т.

Кавказская война. Семь историй / А. Т. Урушадзе — «НЛО»,
2018 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-0875-7

Кавказская война – одна из самых противоречивых страниц российской истории. Однако книга Амираана Урушадзе выходит за рамки историографических и политических споров, автора интересует не история походов, сражений, покорения или сопротивления, а целостная, многоликая история человека в Кавказской войне. Книга состоит из семи «рассказов» различных персонажей, каждый – со своей правдой. Читатель почувствует глубину и драматизм истории кавказского региона, поймет природу многих событий дня сегодняшнего. Амираан Урушадзе – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЮФУ, младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Специалист по истории Кавказа XVIII–XIX веков.

ISBN 978-5-4448-0875-7

© Урушадзе А. Т., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

История-эпиграф	6
1. До войны	8
Горец	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Амиран Урушадзе

Кавказская война. Семь историй

© А. Урушадзе, 2018,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

*История, несмотря на ее мучительную боль,
Не может быть забыта, но глядя ей в лицо
с отвагой, не повторим ее.*

Майя Энджелоу. На пульсе утра

История-эпиграф

Есть старая дагестанская легенда. Через Кавказские горы ехал всадник, который вез в большом мешке языки всем народам мира. Обремененный лингвистической поклажей, конь споткнулся, а мешок зацепился за острую скалу. Языки рассыпались по горным уступам Кавказа. С тех давних пор местные жители говорят на множестве языков.

Кавказ – относительно небольшой регион, его площадь не сравнить с просторами Сибири или даже Урала. При этом он удивляет разнообразием. Не только языковым многоголосьем, но и природными богатствами: здесь и плодородные равнины, и скалистые горы, и бескрайние степи. Здесь живут мусульмане и христиане, у каждого народа свои культурные особенности, в которых легко запутаться. Например, дагестанский хинкал совершенно не похож на грузинский хинкали.

История Кавказа разнообразна, порой фрагментарна, ее невозможно представить в одном рассказе. Попробайся – и получится односторонне. Такой же многоголосой получилась Кавказская война – центральное событие в истории кавказских народов. Не менее значимым противостояние с горцами было и для Российской империи. Именно на Кавказе преодолевала она цивилизационную шизофрению, порожденную вечным поиском принадлежности к Западу или Востоку. В горах Дагестана, на берегах Кубани и Терека Россия, кажется, вполне осознала свою современную европейскую идентичность.

В этой книге я не предлагаю историю Кавказской войны. Это слишком трудная задача. Ее пытались решить многие блестящие историки (некоторые работы приведены в библиографическом списке). Поскольку все подходы уязвимы для критики, попробуем взглянуть на события Кавказской войны через судьбы ее героев. В книге семь таких историй. Они связаны между собой, но их можно прочитать разными способами.

Конечно, как любой автор, надеюсь, что вы прочтете книгу самым простым и одновременно самым долгим путем – от первой до последней страницы. Но, если честно, я и сам так редко делаю (за исключением художественной литературы). Обычно выбираешь самое интересное, привлекательное или необходимое. Поэтому предлагаю несколько альтернатив.

В книге действуют семь героев – у каждого своя история. Некоторые герои появляются в различных главах, с другими встречаемся только единожды. Главы расположены по хронологии. Каждая из них – самостоятельная история. Главы можно читать отдельно и в разном порядке. Соответственно, и книгу можно прочитать несколько раз по-разному: с начала до конца, по героям или по главам.

Почему историй семь? Тут нет хитрой нумерологии или какого-то суеверия. Просто когда определял самых важных героев Кавказской войны, их получилось семь.

Вот они:

горец – коренной житель Северного Кавказа, желавший сохранить свою свободу, независимость и традиционный образ жизни;

горец на русской службе, в отличие от своего соотечественника, добровольно стал российским подданным, уверен в необходимости преобразования горских порядков и пытается этому способствовать;

казак – вольный человек, ставший частью военной машины Российской империи в противоборстве с горцами;

«настоящий кавказец» – русский солдат или офицер Отдельного Кавказского корпуса, который за долгие годы службы на Кавказе хорошо узнал край и горцев;

Шамиль – третий имам Чечни и Дагестана (1834–1859), вождь свободных горцев, самый упорный и опасный соперник Российской империи на Кавказе;

Михаил Воронцов – первый кавказский наместник (1844–1853), в период его управления краем произошел перелом в Кавказской войне;

Николай I – российский император (1825–1855), все царствование которого проходило на фоне Кавказской войны.

1. До войны

Горец

ГДЕ-ТО В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

«Каждый оборванный горец, сложив руки накрест, или взявшись за рукоять кинжала, или опершись на ружье, стоял так гордо, будто был властелином вселенной... Во всем видны гордость и сознание собственного достоинства», – таким увидел жителя Дагестана русский генерал и военный историк XIX столетия Николай Дубровин. Отчего же горец так горд собой? Откуда эта уверенность в собственном превосходстве? Эти высокие чувства рождены высотой, с которой горец взирал на окружавшее его пространство. Для жителей равнины (а русский человек, как писал Василий Ключевский, – «человек равнины, открытого простора») горы – знак предела географии. Горы – окраина, горы – граница. Но у кавказского горца иные представления. Его мир организован по вертикали.

На Кавказе многие селения имеют парные названия: Верхний Чегем и Нижний Чегем, Верхний Батлук и Нижний Батлук, Верхний Алвани и Нижний Алвани и еще множество подобных топонимов. С одной стороны, это результат естественного расселения человека в условиях горного ландшафта. Но с другой, такая вертикальная структура имеет важное символическое значение. Согласно кавказским легендам, первыми появлялись верхние селения, расположение которых было более удобным. Впоследствии их признали и более престижными в сравнении с нижними поселениями. Антагонизм «верхних» и «нижних» жителей часто приводил к установлению главенства первых над вторыми. Занимать «верх» в пространстве значило властвовать над «низом» в смысле политическом.

Для горца важно было иметь не только свою землю, но и свою гору, которая возвышалась над остальными. И гора эта в картине мира горца располагалась вовсе не на окраине обитаемого мира, а в его центре.

В легендах дело обстояло так. Изначально плоский мир Бога не устраивал. Божественной силой он начал собирать земную твердь к центру, постепенно вытягивая ее в высоту, пока не образовалось нечто отличное от плоскости – гора. Так, по мнению горцев, их горы оказались в центре мира. А равнина осталась периферией, лишенной престижности «низом».

Равнину горец рассматривал в качестве своих «охотничьих угодий». В равнинном, или «нижнем», пространстве он демонстрировал свое удальство, испытывал удачу. Поэтому в XVII–XVIII веках равнинная Кахетия – восточная часть некогда единого Грузинского царства – подвергается многочисленным набегам дагестанских горцев. Кахетия – край земледельцев. Здесь раскинулась знаменитая Алазанская долина с ее виноградниками, урожайность которых делала хозяйство прибыльным. В грузинской исторической традиции многолетние опустошительные набеги леков (лезгин) – так в Грузии именовали всех горцев Дагестана – получили название «лекианоба» – лезгинское иго.

Отправиться в поход на Кахетию, на неверных грузин-гяуров, которые пьют вино и едят свиное мясо, для горца было беспрюгршным средством совершить подвиг и обрести славу. Удальца, вернувшегося с добычей, в родном селении ожидали почет и уважение. Горские песни прямо призывают к походу на жителей Кахетинской равнины: «Желающие купить рай для души своей, приготовьтесь на войну против грузин!»

Но не стоит думать, что горцы Северо-Восточного Кавказа только тем и занимались, что опустошали сопредельные земли. Набеги имели скорее символическое, чем экономическое значение. Основой хозяйства горцев было отгонное скотоводство. Это во многом определило консервативность, традиционность горского общества. Французский писатель Жан Жионо, повествуя о горцах, населяющих прованские Альпы, заметил: «Благодаря этому они стоят в стороне от технического прогресса (и выше его). Никто еще не изобрел машину, умеющую пасти овец...»

В Дагестане занимались и земледелием. Притом земледелием наиболее трудоемким – террасным. «В Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальную для рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально эксплуатировать каждый клочок ценной земли», – такими словами дагестанское террасное земледелие описывал выдающийся отечественный ученый Николай Вавилов. Широко известны еще с эпохи раннего Нового времени и ремесленные центры Дагестана. Кубачи – селение знаменитых оружейников, а Балхар славен мастерами художественной керамики.

Регулярно участвуя в набегах, горцы способствовали формированию представления о себе как о беспощадных разбойниках, жадных до добычи. Грузинские цари долго и безуспешно пытались положить набегам конец. Для их отражения царь Ираклий II (1762–1798) создал регулярную армию, однако ее содержание обходилось слишком дорого, а грузинская казна всегда была пуста. Привлекавшиеся Ираклием II на службу черкесские всадники увеличили обороноспособность восточных пределов Грузии. Но их служба была временной и истекала, как только прекращался звон монет в кошелек грузинского царя.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НА РАВНИНЕ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Черкесами исторические документы XVI–XIX веков именуют предков современных адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Себя они звали этнонимом «адиге». В отличие от горцев Дагестана, черкесы традиционно проживали на равнинных территориях Предкавказья по рекам Кубани, Тереку и Малке. Турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби в своем сочинении «Книга путешествия» писал, что «страна Черкесстан простирается от склонов Анапских и Обурских гор, примыкающих к горе Эльбрус, вплоть до берегов реки Кубани». Черкесы населяли обширное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа. Их объединяли язык и культура, но разобщали бесперывные политические междоусобицы.

Французский консул в Бахчисарае и одновременно первый врач крымского хана Ксаверио Главани насчитал в стране черкесов четырнадцать бейликов – самостоятельных округов, лидеры которых проводили независимую политику. Наиболее крупными адыгскими общностями были натухайцы, шапсуги, абадзехи. На берегу Черного моря расселились убыхи. Часть черкесов в поисках пастбищных территорий ушла на Терек.

На рубеже XIV–XV веков черкесы приобрели решающее влияние на расклад сил в Предкавказье. Арабский ученый Ибн Хальдун (1332–1406), описывая народы, населявшие Северный Кавказ, отметил, что «черкесы могущественнее всех». В политически разнородном пространстве Черкесии на первый план вышла Кабарда.

Здесь развились сильная княжеская власть и сословный строй. Первым кабардинским «самодержцем», вероятно, стал князь Инал. Воспользовавшись «великой замятней» в Золотой Орде, где на протяжении всей второй половины XIV века шла жестокая борьба за власть, Инал начал объединять земли черкесов. «Под его твердым и благоразумным управлением прекратились смуты и беспорядки между адыгейцами, – писал о князе Инале черкесский просветитель и историк Шора Ногмов (1794–1844). – Приобрет доверенность народа, он упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы». Значение

Инала в истории Кабарды сродни значению Андрея Боголюбского и Ивана III в истории России. Как первый, он укреплял свою единоличную власть, а как второй, проводил политику собирания земель.

Имя князя Инала окружают легенды. Одна из них связана с его короной. По преданию, она представляла собой червленую шапку, украшенную серебряным пером и семью зубцами – прямой аналог шапки Мономаха, символа русского самодержавия. Подобные инсигнии подкрепляли «законные» права династии на безоговорочную верховную власть. Корона Инала стала символом единства средневековой Черкесии.

Державу Инала наследовали его сыновья – Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш. В Черкесии установился коллективный суверенитет княжеского рода Иналовичей. Вскоре Черкесия оказалась поделена между различными княжескими домами, каждый из которых вел свое происхождение от Инала. Земли, объединенные Иналом, рассматривались его потомками в качестве патримония – наследственного родового имущества.

Итальянский путешественник рубежа XV–XVI веков Джорджо Интериано оставил такое описание горделивой черкесской аристократии: «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов, и все живут независимо друг от друга и не желают признавать над собою никакого господина, кроме Бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка или третейский суд разрешают споры между ними».

Многочисленные черкесские аристократы именовались уорками. Высшая знать, обладавшая потомственными правами на земли и подданных, состояла из тлекотлешей и джинуго. Служилое дворянство представляли беслан-уорки. Они поступали на военную службу к черкесским князьям. Платой за их преданность был уорктын – «дворянский подарок», который включал крестьян, землю, скот, ценное оружие.

Образ жизни благородного горца (если таковым считать проживавшего на равнине кабардинца) красочно описан у того же Интериано: «Они хотят, чтобы благородные не занимались никакими торговыми делами, кроме продажи своей добычи, говоря, что благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да еще упражняться в охоте и военном деле». Участие в военных предприятиях было самым престижным занятием для знатного кабардинца. Черкесские междоусобицы стали благоприятной средой для процветания военно-походного промысла.

Появление служилого дворянства часто укрепляло центральную власть. Основой могущества Османской империи в XVI–XVII веках являлась тимарная система. Тимар – поместье, выделяемое государством профессиональному конному воину – «сипахи». Конник должен был регулярно являться на военные сборы в полном снаряжении. Воины, отличившиеся в бою, получали возможность расширить свое хозяйство дополнительными долями – «хиссе». Офицеры владели громадными поместьями «зиаметами», приносившими высокий доход.

Аналогом турецкого тимара было русское поместье. Иван III начал вознаграждать служилых людей землей вместе с проживавшими на ней крестьянами. Мотивированное войско позволило не только объединить русские земли, но и произвести грозное впечатление на золотоордынского предводителя Ахмад-хана, повернувшего свои тумыны вспять от Угры в 1480 году.

Но в Черкесии и в ее восточной части – Кабарде – сильной государственной власти не сложилось. Верховным правителем здесь считался великий князь – «пщышхуэ». Его трудно назвать неограниченным монархом. В своих решениях он должен был учитывать мнение «хасы» – совета высшей знати. Более того, власть великого князя не являлась наследственной. Его избирали на хасе, соблюдая очередность между княжескими домами – различными ветвями рода Иналовичей. Знатный кабардинец был постоянным участником интриг и открытых столкновений в борьбе за власть. В этой игре он мог преуспеть, но ценой поражения была жизнь.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В КРЫМУ, НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ...

1475 год – важная дата. Пали последние генуэзские колонии в Северном Причерноморье. Их обладателем отныне и на долгое время становится турецкий султан. Тогда же его волю признал осколок Золотой Орды – Крымское ханство. Османская империя начала борьбу за Кавказ.

Один из турецких походов в земли черкесов описан в «Истории дома османов». Ее автор, государственный деятель и ученый Ибн Кемаль, принимал участие в многочисленных военных предприятиях конца XV – начала XVI века. «По приказу государя – завоевателя мира (Мехмеда II Завоевателя, захватившего Константинополь в 1453 году. – А. У.) люди победоносного войска прошли горы, во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В этой стране каждый день храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край, подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100 красавиц, обратили в рабство множество пленников... С покорением указанных краев, вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истинной веры Мухаммеда. Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем...»

Турки прочно обосновались в бывших генуэзских колониях. Столицей османского Приазовья и Восточного Причерноморья сделали Кафу. Здесь находилась резиденция султанского наместника.

...И В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Провинцией Азербайджан, входившей в состав Иранского государства, с начала XVI века правили Сефевиды. Еще до того, как Исмаил Сефевид провозгласил себя шахиншахом Ирана. Сила и влияние Сефевидов в Иране быстро росли. Они управляли страной до 1736 года. Но еще до триумфа Исмаила, в промежутке между 1459 и 1488 годами, Сефевиды четырежды ходили войной на горцев Северного Кавказа.

КАВКАЗ В ОГНЕ

Став вассалом турецкого падишаха, крымский хан выступал его верным союзником в многочисленных войнах. Именно с крымскими татарами черкесы воевали в XVI веке ожесточеннее всего. Массированное крымско-османское наступление преследовало несколько целей. Во-первых, цель стратегическую. Контроль над Северным Кавказом позволил бы султану напрямую угрожать Азербайджану – сердцу владений соперников-Сефевидов. Во-вторых, цель экономическую. Захват новых стран сопровождался обращением части их населения в пленников. А работорговля – один из самых прибыльных видов коммерции. Несчастные черкесы, ставшие военной добычей татар и турок, превращались в живой товар на невольничьих рынках Стамбула, Каира и других мегаполисов Ближнего Востока.

С запада черкесов теснили турки и крымские татары. На востоке горцы Дагестана испытывали растущее давление Ирана. Две могучие мусульманские державы вступали в долгое противостояние. Османы бились с Сефевидами за контроль над важными торговыми магистралями, которые проходили через Кавказ и связывали Европу с Азией.

Ирано-турецкие войны имели и религиозную подоплеку. Противники представляли различные ветви ислама: турки – суннизм, а иранцы – шиизм. Противники воевали почти весь

XVI век. Первая война началась в 1514 году и продолжалась до 1555 года. Затем последовала недолгая передышка, которая была прервана уже в 1578 году. Удача сопутствовала османам, сумевшим поставить под свой контроль большую часть Кавказа. Мир султан и шах заключили только спустя двенадцать лет.

Эти войны с участием многотысячных армий разоряли Кавказ и его жителей. Черкесия страдала от опустошительных рейдов крымско-татарской конницы. Монах Доминиканского ордена Джованни де Лука, прибывший на Кавказ с дипломатическим поручением папы римского, отмечал: «Не проходило года, в котором бы татары не производили на их (черкесов. – А. У.) страну какого-либо набега».

Дагестан тем временем стал мишенью для кзылбашского войска Сефевидов. Горцы сопротивлялись отчаянно. Но силы оказались не равны: горцам пришлось признать себя вассалами шаха. Однако зависимость эта являлась скорее номинальной. Горцы признали шаха верховным правителем, но на деле экономически и политически оставались независимыми. И в условиях постоянной политической турбулентности пользовались любым счастливым случаем, чтобы объявить себя свободными.

Стремясь сохранить политическую независимость и просто выжить в водовороте ирано-турецкого противостояния, горец обращает свой взор к северу. Туда, где крепнет и набирает силу Русское государство, готовое вмешаться в борьбу за Кавказ.

ГОРЕЦ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МОСКВУ

В 1550-х годах столицу России начинают регулярно посещать посольства различных северокавказских обществ и владений. Западные черкесы, кабардинцы, подданные тарковского шамхала и тюменского хана ищут поддержки у Ивана IV Грозного, сокрушившего Казанское (1552) и Астраханское ханства (1556).

Чтобы попасть ко двору русского правителя, горец должен был совершить длинный и многодневный путь. Точных данных о маршрутах северокавказских посольств и времени их пути у нас нет. Горцы не составляли записок о своих путешествиях. Но в качестве аналогии можно привести хронологию перемещений по оси «Москва – Кавказ» европейских посланников, которые оставили письменные свидетельства. Так, посол шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III Адам Олеарий отправился в 1636 году с дипломатической миссией к царю Михаилу Федоровичу, а затем к иранскому шаху Сефи I. 30 июня 1636 года посольство покинуло Москву. В Иран Олеарий двигался по рекам Москве, Оке и Волге. Достигнуть Астрахани немецким посланцам удалось аж через 77 дней, 15 сентября 1636 года.

Посланники северокавказских владетелей могли воспользоваться и волжским путем. Однако в любом случае дорога к аудиенции русского царя занимала около двух месяцев.

Большой политический резонанс имело кабардинское посольство 1557 года. В Москву его отправил верховный князь Кабарды Темрюк Идаров. Возглавил депутацию князь Канклыч Кануков. Какой могли увидеть тогдашнюю Москву кабардинские посланники? Вероятно, они были поражены размером города. В Кабарде, в отличие от Дагестана, не было крупных поселений с большим числом жителей. Москва же и по европейским меркам считалась весьма крупным городом. Обширность русской столицы впечатляла гостей из Германии, Польши и других стран Старого Света. Александр Гваньини, уроженец Вероны, служивший Речи Посполитой, составил «Описания Московии». Из него узнаем, какой иноземцу казалась русская столица во второй половине XVI века: «Город Московия выдается значительно на восток, весь деревянный, довольно обширный, и если смотреть на него издали, он кажется обширнее, чем есть на самом деле. Причина в том, что сады и дворы при каждом доме и широкие улицы придают городу большой простор и ширь. Кроме того, за городом вытянулись длинным рядом, обра-

зую широкие улицы, дома ремесленников, имеющих дело с огнем; они перемежаются лугами и полями. Таким образом, огромный город кажется обширным сверх меры».

С чем ехали послы Темрюка Идарова? Они везли предложение о союзе и совместной борьбе с мусульманскими державами и взявшими их сторону северокавказскими владетелями. Союз был выгоден обоюдному. Кабардинцы могли рассчитывать на военную помощь войск Ивана IV, обученных «огненному бою», а русский государь продолжил бы расширять свое политическое влияние мирным путем.

Каков был текст Русско-кабардинского договора, заключенного в 1557 году, нам доподлинно неизвестно. Чтобы судить о его содержании, возьмем за аналог текст «шертной записи» (шертъ – от арабского «соглашение, условие») 1588 года, когда кабардинцы принесли присягу уже наследнику Грозного, Федору Ивановичу. Тогда черкесские посланники «бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государеве жалованье во обороне от их недругов по тому ж, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его государев блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси; а они государю учнут служить всякие государевы службы, где государь велит, а к иному государю, к Крымскому и к Турскому и к Шевкальскому, не пристанут».

«Всякие государевы службы» были делом опасным. Уже в 1558 году черкесы приняли активное участие в Ливонской войне, развернувшейся в Прибалтике. Военный историк и «летописец Кавказской войны» Василий Потто писал, что кабардинцы отличились «при взятии города Мильтена и, в особенности, при осаде города Дерпта, под которым они совместно с русскими войсками наголову разбили немецкую конницу, пытавшуюся сделать вылазку из города».

В 1561 году русско-кабардинский союз был укреплен союзом династическим. Иван Грозный вторым браком женился на Гошаней, дочери Темрюка Идарова, а венчал их «в соборной и апостольской церкви Успения Пречистой Богородицы преосвященный Макарий митрополит всея Руси». Свадебный обряд случился 21 августа. Шестью неделями ранее, 6 июля, невесту окрестили и нарекли Марией. Дочь кабардинского князя Темрюка стала русской царицей Марией Темрюковной. Царской чете не суждено было вырастить наследника престола: царевич Василий Иванович умер в двухмесячном возрасте. Печальное событие настигло венценосных супругов в мае 1563 года.

Черкесы заняли видное место при российском дворе. Ближайшим подручным Ивана Грозного стал брат царицы – князь Михаил Темрюкович Черкасский. Особенно возвысился он в годы опричнины. В войнах с Крымским ханством (1568, 1570) князь Черкасский командовал большими полками русского воинства. Но в 1571 году царь заподозрил своего любимца в измене. Расправа была скорой и жестокой. «Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурина великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами», – сообщал в «Записках о Московии» немец-опричник Генрих Штаден.

Падение лидера кабардинской партии не остановило вхождение черкесских аристократов в сонм российской знати. Князья Черкасские быстро почувствовали себя своими среди Воротынских, Голицыных, Одоевских, Шереметевых, Трубецких.

Политическая турбулентность Смутного времени дала Черкасским шанс занять русский престол. Претендентом на трон являлся князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский – внук Темрюка Идарова и племянник Марии Темрюковны. Он прославился как сподвижник Дмитрия Пожарского, вместе с ним освобождавший Москву от поляков.

В 1613 году Дмитрий Мамстрюкович выдвигался своими сторонниками в цари, но добровольно отказался от престола. Вместе со своим троюродным братом, князем Иваном Борисовичем Черкасским, он поддержал кандидатуру Михаила Федоровича Романова. О близких родственных связях кабардинцев с русской знатью говорит то, что первый государь из династии

Романовых приходился Ивану Борисовичу Черкасскому (внучатому племяннику Темрюка Идарова) двоюродным братом.

Черкес мог оказаться на русской службе, воевать в Европе, участвовать в дворцовых заговорах и интригах. Как и вся Кабарда, он тесно связал свою судьбу с Россией. У дагестанского горца отношения с северным соседом складывались иначе.

ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С РУССКОЙ АРМИЕЙ

Получив союзника на Кавказе, Россия начала вести себя здесь смелее. В 1567 году поставила в долине Терека крепость – Терский город. Фортиция вызвала солидарный гнев турецкого султана и крымского хана, которые потребовали ее снести. Россия тогда была занята тяжелой Ливонской войной. Противостояние на два фронта было чревато катастрофой. Иван Грозный с тревогой читал наполненные угрозами грамоты мусульманских правителей. В итоге уже в 1571 году крепость по царскому повелению разрушили.

Но политическая конъюнктура менялась скоротечно. Спустя семь лет Терская крепость была восстановлена. Влияние России на кавказские дела росло. Появлялись новые союзники, теперь уже по другую сторону Большого Кавказского хребта. Православная Грузия искала союза с единоверной Россией. Наследник Ивана IV Федор Иванович среди прочего именовался «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей». В этой формуле было больше претензий, чем прав. Но без первых не бывает вторых. Союз с Восточной Грузией предполагал действия против дагестанского политического конгломерата. Крупнейшие дагестанские владетели – шамхалы тарковские – являлись старинными недругами кабардинских князей. Дагестанские горцы с большой охотой отправлялись в набеги на грузинские земли. Все эти обстоятельства провоцировали первое столкновение горца с русскими ратями.

В 1594 году в поход на столицу шамхальства – город Тарки – выступает русское войско под началом воеводы Андрея Хворостинина. Эта первая экспедиция стала своеобразной моделью многочисленных походов русской армии на Кавказ. Началась она удачно. Полки Хворостинина достигли цели – шамхальской столицы. Далее – тупик. Столица противника взята, но сам он, не признав себя побежденным, отступил. Куда идти, непонятно, но и оставаться на месте нельзя. Вокруг отнюдь не гостеприимно настроенные горцы, а провиант заканчивается. Хворостинин, как и многие другие русские командующие, воевавшие на Кавказе после, принимает решение возвращаться назад – к провиантским складам, арсеналам и безопасности.

И в этот раз, и в других подобных случаях отступление оборачивается гибелью. Горцы зорко следят за передвижением отряда, устраивают засады, внезапные нападения, атакуют отставших, отсекают отдельные группы. Такая тактика становится у горца излюбленной в противостоянии с русской армией. Бороться с ней в открытом полевым сражении трудно. Армия многочисленна, хорошо вооружена. Горец же силен в ближнем бою один на один. Поэтому дети «страны гор» стараются использовать свое главное преимущество – мобильность. Они нападают неожиданно, когда русские полки «зачехлены» в походные колонны. Внезапность горских нападений деморализует воинов «белого царя», а неотступное преследование изматывает и силы, и волю.

Хворостинин теряет три четверти войска. Горцы одерживают победу. Шамхал вправе продолжить политику неприсоединения к враждующим коалициям.

Через десять лет Дагестан вновь увидел русские полки. На этот раз их вел опытный воевода Иван Бутурлин. Одних стрельцов в русском войске было десять тысяч. Кроме них, воевать «шевкальскую землю» шли казаки (терские, донские, яицкие) и отряды северокавказских союзников – кабардинцев и ногайцев.

Горцы отступали. Противостоять такой силе в открытом бою было самоубийством. Бутурлин взял Тарки и начал укреплять приобретение. Русский воевода мог считать себя победителем, но только горцы еще не начинали своей войны.

Цель похода – Тарки, как и в случае с отрядом Хворостинина, – превратилась в ловушку. Царское войско было отрезано от «большой земли». Помощь была далеко, а зима близко. Многочисленный русский гарнизон страдал от бескормицы. Когда положение стало критическим, Бутурлин решил отпустить часть войска на зимние квартиры. Из крепости вышла примерно половина отряда – голодные и уставшие воины. Горцы были готовы действовать. Их лидером выступил талантливый полководец Султан-Махмуд (Солтан-Мут).

Подготовив засаду, они атаковали. Ожесточенный бой продолжался целый день. Полностью разгромить отступавших Султан-Махмуду не удалось, но теперь он мог блокировать обескровленный русский гарнизон шамхальской столицы. Обложенный со всех сторон Бутурлин отчаянно сопротивлялся. Первый штурм горцев был отражен. Стороны затеяли переговоры. Бутурлин согласился оставить Тарки, а горцы обещали пропустить русские полки обратно за Терек.

Горец праздновал победу. Второй крупный поход могучих войск «белого царя» закончился ничем. В лагере отмечали не только победу над неверными, но и свадьбу шамхала с дочерью аварского правителя. Горская молодежь жаждала подвигов. Взвинченная атмосфера способствовала принятию рокового для русских решения. Дагестанские улемы признали соглашение с Бутурлиным необязательным для соблюдения. Правоверный был волен преступить клятву, данную гяуру.

Бутурлина с остатками его войска нагнали и окружили в устье реки Шураозень. Русские сражались яростно: «Сий же храбрый воевода, мужественный Иван Михайлович Бутурлин, князь Володимер Иванович Бахтияров и все воеводы и ратные люди на том стаща, что ни единому человеку живу в руки не дагися...» – сообщает нам летопись. Погиб почти весь русский отряд. Погиб сам Бутурлин, сложил голову его сын Федор. Уцелевшие уходили в Терский город, оставляя за собой кровавый след.

Едва сбив наступательный порыв России, горец оказался перед лицом новой опасности. Сефевиды – правители Ирана – мечтали о покорении Дагестана. Для горцев положение осложнялось тем, что российское правительство поддерживало добрые отношения с персидскими шахами. Стороны обменивались ценными подарками. Еще Борис Годунов в 1600 году отправил шаху Аббасу I Великому «два куба винных с трубами и с покрышки и с таганы». Перед нами, очевидно, описание самогонного аппарата. С этого подарка можно отсчитывать историю российской технической помощи восточному соседу: от самогонного аппарата до мирного атома. Шах в долгу не остался: предоставил России заем в 7 тысяч рублей, а в 1625 году прислал царю Михаилу Федоровичу роскошный трон.

Такое добрососедство заставляло горца искать пространство для политического маневра. На протяжении XVII века дагестанские владетели признавали себя подданными как шаха, так и царя. А иногда и вовсе искали поддержки султана. Сильных мира сего манили к берегам Каспия торговые выгоды. С Востока через Дербент, Терский город, Астрахань шли шелковые караваны. Контроль над Каспием открывал дорогу в Среднюю, Южную и Восточную Азию. Держать в руках торговлю шелком – значило контролировать половину мира. Такая грандиозная задача была под силу только человеку, способному переворачивать все на своем пути. На русский трон взошел царь Петр I.

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ БЕКОВИЧ

Нет повести печальнее на свете, чем повесть об Александре Бековиче Черкасском. Сейчас имя этого человека знакомо только историкам, а в XVIII–XIX веках было на слуху у мно-

гих. История его жизни начинается в самом конце XVII столетия в русской крепости Терки. Здесь кабардинский князь Девлет Гирей сын Бекмурзы рода Жанболата томился на положении аманата, или заложника. Обычай брать заложников был важной составляющей российской политики на Кавказе. Договариваясь о чем-либо с местными аристократами, российские власти требовали заложников (аманатов), которыми становились отпрыски знатных фамилий. Аманат – живая гарантия соблюдения договора и верности слову. Заложники могли находиться в плену многие годы, что и произошло с мальчиком Девлет Гиреем.

Проведя несколько лет на краю российской географии, горец оказывается в Москве. В столице молодого кабардинца берет к себе князь Борис Алексеевич Голицын – знатный вельможа, «дядька» – воспитатель самого Петра I. В 1697 году Девлет Гирей принимает крещение и становится Александром Бековичем Черкасским. Спустя еще несколько лет он начинает военную службу в Преображенском полку. Проявляет себя с лучшей стороны, привлекает внимание государя. Петр отправляет талантливого горца в Голландию – обучаться навигации.

Вернувшись в Россию в 1709 году, Бекович Черкасский занялся делами имения, пожалованного ему царем. Но великий российский реформатор приберег для него особую миссию.

Северная война еще продолжалась, но после Полтавской «виктории» Петр I справедливо посчитал Швецию поверженной и принялся искать новые внешнеполитические цели на Востоке. В 1714 году в Санкт-Петербург прибыл туркменский посол Ходжа Нефес, который рассказал царю поразительные вещи. Он утверждал, что когда-то Амударья впадала в Каспийское море, из которого по реке можно было попасть напрямиком в Индию. Но соседи туркмен хивинцы перегородили реку плотиной и поменяли ее течение. Теперь она уже не впадает в Каспий, и ее воды не орошают земли туркмен, ставшие засушливыми и бесплодными. Ходжа Нефес надеялся, что могущественный русский царь сможет вернуть реку в старое русло. Для Петра же сведения туркменского посла значили куда больше. Повернув среднеазиатскую реку, царь, в соответствии с европейскими географическими познаниями того времени, рассчитывал получить прямой путь в Индию. От возможности овладеть сверхприбыльными трансконтинентальными торговыми путями у него закружилась голова.

Петр начал сбор среднеазиатской экспедиции. Главой ее царь назначил поручика гвардии Александра Бековича Черкасского. Два года ушло на разведку и изучение восточного берега Каспийского моря. Петр жаждал скорого открытия водного пути в сказочную Индию.

В 1716 году царь отправил Бековича в путь. Он должен был склонить хивинского правителя к принятию российского подданства, а «также просить у него судов и на них отпустить купчину по Амударе реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или, ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать...»

Князь Черкасский выступил в поход летом 1717 года. У него было около трех тысяч человек: эскадрон драгун, две роты солдат и две тысячи казаков. По знойной степи люди одолели 1350 верст и достигли урочища Карагач, где по замыслу царя надлежало построить крепость. Но к этому месту подошел и хивинский хан Ширгази с 25 тысячами воинов. Оказалось, что владетель Хивы вовсе не собирается принимать подданство русского правителя.

Бекович Черкасский умело командовал своими людьми. Небольшому русскому отряду удалось отбить все атаки ханского войска. Ширгази предложил Бековичу мир. Русский офицер согласился. В сопровождении армии хана русские проследовали к Хиве. И здесь Бекович допустил роковую ошибку, поддавшись на незамысловатую уловку Ширгази. Хан обещал русским роскошный прием, но заметил, что обеспечить его такому большому числу гостей в одном городе невозможно. Ширгази предложил Бековичу разделить его отряд на пять частей и отправить их в разные города, где местные жители смогут сполна попотчевать новых друзей. Невероятно, но Бекович поверил этой нехитрой лжи и выполнил условие хана.

Хивинцы без труда уничтожили петровскую экспедицию. Большинство солдат и казаков были убиты. Сам Бекович со своими офицерами – изрублен прямо перед ханским шатром. Немногие выжившие попали в плен, а затем были проданы в рабство.

Память о трагической гибели Бековича Черкасского оказалась очень крепкой. Русские военные и дипломаты, которых посылали в Хиву, и через сотню лет после похода кабардинского князя вспоминали его судьбу. А в русский язык вошла скорбная поговорка – «пропал как Бекович». Так говорят о человеке, исчезнувшем внезапно и с концами.

МЕЖДУ ПЕТРОМ И НАДИРОМ

Трагическая неудача Бековича не остановила Петра Великого. От своего посла в Персии Артемия Волынского он знал о тамошних междоусобиях и слабости центральной власти. Волынский не жалел красок для изображения того, как гниет и распадается некогда могущественная держава Сефевидов. Вот что докладывал своему августейшему патрону Волынский о персидской армии: «Я бы не мог поверить никому о войсках персидских и не мнил бы, что они так бессильны». Еще интереснее его оценка способностей шаха Хосейна I: «...он не над подданными, но у своих подданных подданной. И чаю, редко такова дурачка мочно сыскать и между простых, не токмо ис коронованных». Из всего этого русский посол сделал вполне однозначный и, видимо, так ожидаемый самим Петром вывод: «Помощью Вышнего и без великого кровопролития великую часть к своей державе присовокупить можете с немалым интересом к вечной пользе без страха, ибо разве только некоторые неудобные места и воздух здешний противность покажут войскам вашего величества, а не оружие персицкое».

Жребий был брошен, Петр отправился за Терек. Персидский поход (1722–1723) иногда считают началом Кавказской войны, и на это есть свои причины. Преобразованной по европейским лекалам Нового времени русской армии горцы показали странным противником. Русский царь, уже повидавший разнообразные армии, откровенно недоумевал: «Зело удивительно сии варвары бились: в обществе нимало не держались, но побежали, а партикулярно десператно бились, так что, покинув ружье, якобы отдаваясь в полон, кинжалами резались, и один во фронт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки».

Удивление горцев было не меньшим. Они прекрасно знали, что русские сражаются храбро, но помнили и то, что под их бешеным натиском строй воинов «белого царя» часто ломался, а в ближнем кинжальном бою горцам не было равных. В столкновениях с петровской армией дагестанские вожди рассчитывали повторить успех Султан-Махмуда в Караманской битве. Однако теперь взломать строевой монолит новой русской армии, закаленной в изнурительной Северной войне, горцам оказалось не под силу. Стремительные и, казалось бы, неудержимые атаки, неожиданно легко разбивались о живой волнолом геометрически правильных построений армии Петра Великого.

Персидский поход показал, что Россия, решившая утвердиться на Кавказе, готова к крайним мерам. Повелитель Утамышского султаната Махмуд гордо отказался от предлагаемого ему российского подданства, а русских посланников убил. Таких обид завоеватели не прощают. Разбив войска опрометчивого Махмуда, русские полки, как писал сам Петр, «...проводили его кавалериею и третью частью пехоты до его жилища, отдавая контр-визит, и, побыв там, для увеселения их сделали изо всего его владения феэрверк для утехи...». Жечь селения непокорных горцев – так будут поступать многие русские генералы эпохи Кавказской войны.

Железные полки русского царя шли все дальше. Несмотря на взятие такого стратегически важного города, как Дербент, и другие успехи, Петр уже осенью 1722 года решил прекратить поход. Причинами этого были трудности со снабжением армии, падеж лошадей и болезни в войсках. Непривычный климат стал самым страшным врагом петровской армии в Персидском походе. Боевые потери были ничтожны, а вот смертность от болезней – угрожающей. Красно-

речивы слова из петровского приказа войскам: «...чего надлежит остерегаться в сих жарких краях – дынь, слив, шелковицы и винограда, от которых начинаются тотчас же кровавой понос и протчие смертные болезни...».

Ближний бой

Петр I ушел с основными силами, на завоеванных территориях остались солдаты Персидского корпуса, который продолжал пребывать на берегах Каспия до 1735 года.

К тому времени ситуация в Персии круто изменилась. На небосклон взошла звезда великого Надир-шаха (1688–1747). В американской культурной традиции есть выражение *self-made man* – человек, сделавший себя сам. Так называют людей, достигших успеха исключительно благодаря собственным усилиям и талантам. Надир был именно таков. Сын простого ремесленника, познавший участь раба, он бежал из неволи и примкнул к одному из отрядов джентльменов удачи, промышлявших на развалинах державы Сефевидов. Храбростью и умелостью в ратном деле он выдвинулся вперед. Вскоре его имя стало известным, а сам он из грабителя с большой дороги превратился в защитника государства: Надир со своим отрядом поступил на шахскую службу и в 1730 году усмирил афганских мятежников. Триумфатор Надир получил от благодарного шаха Тахмаспа II в управление почти половину страны – обширные провинции Хорасан, Мазендеран, Систан и Керман.

Надир возобновил заглохшие было ирано-турецкие войны. Одержав ряд побед, он был решительно настроен продолжать войну, но Тахмасп II от своего имени заключил с турками мир. Надир не покорился и совершил еще один, самый важный шаг на пути к безграничной власти. Против шаха возник заговор, и в августе 1732 года Тахмасп II был низложен. Шахом объявили его малолетнего сына Аббаса III, регентом при котором стал, естественно, Надир. По прошествии трех лет низложенного шаха Тахмаспа и его венценосного сына умертвили. Существует множество версий этого зловещего события, но так или иначе с династией Сефевидов было покончено. В том же году на большом собрании иранской знати, своеобразном курултае персидских вождей, Надира провозгласили шахом. Теперь никто не мог помешать политическим планам нового властителя Исфахана, а они были более чем обширны.

Одной из целей Надир-шаха был Кавказ, подступы к которому продолжал блокировать российский Персидский корпус. Гилян и другие бывшие провинции Ирана, которыми так жаждал владеть Петр Великий, не принесли России каких-либо серьезных торгово-экономических выгод. Напротив, столь вожаделенные приобретения оказались убыточны. Торговля шелком была выгодной, но сверхприбылей не давала. В то же время содержание армии на дальних рубежах громадной империи обходилось очень дорого. В начале 1730-х российское правительство приходит к мнению, что петровские приобретения выгоднее отдать Ирану, чем продолжать удерживать за собой.

21 января 1732 года страны заключили Рештский договор, по которому Россия уступала Ирану Гилян, Мазендеран и Астрабад. Взамен распорядители петровского наследия получили гарантии того, что эти территории не достанутся третьей стороне (подразумевалась враждебная России Турция). Также российскому купечеству предоставлялось право беспошлинной торговли в Персии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.